

18+

ВИКТОР УЛИН
амаМ
рассказы о запретном

Виктор Улин

Амам. Рассказы о запретном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710749

ISBN 9785006059016

Аннотация

«Учительницы младших классов молча плакали, запершись в служебном туалете». Слова одной из героинь являются лейтмотивом сборника. Персонажи рассказов – современные люди, которые нарушают правила. У каждого своя история, свои причины. Каждый испытывает психологический надлом. Эта книга – чтение не для всех. Но она заставляет задуматься, ибо если мы чего-то не знаем, то нельзя делать вывод, что этого не существует.

Содержание

Мрак	5
Наваждение	11
5 родинок у левого плеча	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Амам

Рассказы о запретном

Виктор Улин

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5901-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Извратил пути мои и растерзал меня, привел меня
в ничто.»*

(Плач. 3:11)

Мрак

- ...Послушай, Вера, – сказала подруга.
- Слушаю, Даниэла, слушаю, – ответила я.
- Что я тебе хочу сказать...
- Ты уже сказала все, что можно.

Мы сидели по разные стороны нашего круглого кухонного стола – подруга спиной к холодильнику, лицом к окну, я напротив, вполоборота.

Передо мной тянулась столешница.

В левом углу стояла микроволновая печь – темная, как гробница Наполеона.

Справа поблескивал кофейный автомат.

В промежутке между ними чернел длинный провод от соковыжималки. стоящей еще правее.

Он завился странным образом, в форме символа «&».

Вероятно, это что-то означало.

- И что нельзя, – добавила я.
- Вера, мы с тобой взрослые девочки.
- Да уж еще какие.
- Но ты хоть поняла, что я тебе сказала?

Подруга взглянула выжидающе.

- Ну да, конечно, – ответила я. – Тезисно...
- Как Ленин в апреле! с броневика!
- ...Мы с тобой замужем четверть века...

– И даже больше, – вставила Даниэла.

– ...Мужья не гуляют...

– Это у кого как!

– ...Но к нам равнодушны...

– Как и мы к ним!

– ...А нам еще хочется жизни...

– Мы еще не умерли!

– ...И секса...

– Который и есть жизнь!

– Верно, Вера!

Подруга кивнула.

– И в нашей ситуации у женщины остаются всего два варианта.

– Какие? – уточнила я.

– Или вибратор или любовник.

– ...Но...

– ...Вибратор – скучно, любовник – хлопотно.

– И потому дальше – один мрак.

Я перевела дыхание, вздохнула глубоко.

– Да нихера!

Даниэла взяла бокал с коньяком, выпила одним махом, выдохнула еще глубже.

– Запреты выдумали попы, которые постановили, что секс допустим лишь для продолжения рода.

Где-то вдалеке: в соседней квартире, или даже в соседнем подъезде -кто-то на кого-то закричал, надрывно и жутко, как

умеет лишь быдло из Нижегородки.

– И подхватили коммунисты – такие же сволочи, только без крестов.

Я не ответила.

Подруга отличалась столь радикальным мышлением, что учительницы младших классов молча плакали, запершись в служебном туалете.

– А на самом деле секс – это просто простое удовольствие.

Я прислушалась к сторонним звукам.

Муж отсутствовал в командировке, сын где-то таскался, в квартире не было никого, кроме нас.

Никто не мог ничего услышать.

Но что-то исподволь пилило душу.

– Мать и сын – особая материя. Он ее плоть! Часть ее самой. Или ты не согласна?

– Согласна, – сказала я, вспомнив свои роды.

Пройти через такой ад могли назначить лишь дьяволы.

С муками, болью и кровью я выбросила из себя кусок своей плоти, отправила в отдельную жизнь.

Было неясно, правильно ли я сделала, отделив его от себя.

– Так и вот...

– В жёпе бегемот! – вклинилась я.

Бутылка простого «*Курвуазье*» наконец оказала действие.

Я поплыла над пространством, временем и зашлифованными отношениями между людьми.

Я ощутила себя всеблагой и вседозволенной, как некий

господь бог – в которого я, образованная и умная, никогда не верила.

– ...Если он в бессознании трогал твою грудь...

Даниэлу было невозможно сбить с темы.

– ...Так неужели этого нельзя сейчас!

– Но послушай теперь ты меня, – я подняла руку.

– А что слушать? Твоему сыну двадцать лет.

– А вот если бы у тебя самой была не дочь, а сын, – возразила я. – Ты бы сделала то, что советуешь мне?

– Вера!..

Подруга вздохнула так глубоко, что вздрогнули монолитные стены.

– ...Цитируешь Геббельса?

– А кто такой Геббельс? – спросила я.

– Министр пропаганды третьего Рейха. Мой муж повернут на той истории, все мозги мне просверлил.

– Так и что сказал твой Геббельс?

– Что критик всегда должен быть готов занять позицию критикуемого.

– Умные слова, – я кивнула. – Но ты меня не критикуешь, только советуешь.

– Но я тебе отвечу, – продолжила Даниэла. – Если бы у меня был сын, а не дочь...

В передней затрезвонило.

Я встала и бесшумно пошла взглянуть, кого там принесли черти.

– Шучу, шучу!

Подруга засмеялась вслед.

– Ты что – подумала, я серьезно?

Искривленная глазком, за дверью пучилась соседка по подъезду.

У ее недоумка сына постоянно возникали проблемы в академии, где проректором работал мой бывший одноклассник.

Разумеется, открывать я не собиралась.

– Сама понимаешь, у пьяной женщины язык – как помело, – добавила Даниэла, когда я вернулась на кухню.

* * *

Вечер плавно перешел в ночь.

Вокруг все стихло.

Муж – как обычно в последнее время – отсутствовал.

Его командировки стали затяжными, хотя вряд ли там имелись какие-то женщины.

За стеной в своей комнате щелкал клавишами сын.

Окно спальни – давно охолодевшей для нас с мужем – смотрело на окраинный район под названием «Черниковка».

По ночам там сверкали огни, облака отражали городской свет.

Сегодня не было ни огней, ни зарева.

Горизонт оставался темным, как душа шизофреника, город исчез, затянутый мутной пеленой.

Примерно то же самое бывало над библейским Иерусалимом.

Но за мраком следовала гроза.

Насчет себя я еще не была уверена.

Наваждение

– Прости! не знал, что ты тут!

Дверь ванной комнаты плотно прилегала к косяку, не оставляла щелки для света.

В соседнем подъезде кто-то что-то ремонтировал, гремел перфоратор, заглушал шум воды.

Хотев еще раз побриться перед выходом на субботние удовольствия, я понятия не имел, что под душем моется мать.

Она стояла в плоской акриловой ванне лицом к стене, подставив струям плечи.

Резкий свет потолочных точек без жалости обрисовал классическое тело пятидесятилетней российской женщины, для которой жизнь стала не в радость, а катилась по инерции, готовая к остановке.

Спина выражала усталость, по бокам собрались складки, ягодицы невесело обвисли, на тыльных сторонах бедер проступила сетка вен.

Наткнуться на свою обнаженную мать кого-то шокировало.

В России поколения считаются взаимно бесполоыми.

Но в Германии дети с родителями ходят в сауну, видят друг друга во всех подробностях, и никто от того еще не умер.

С этой точки зрения я был скорее немцем, чем русским.
Да я и не увидел нового.

На даче все раздевались, купальник ничего не скрывал, лишь подчеркивал детали.

– Это ты, Володя? – не оборачиваясь спросила мать.

Вопрос был риторическим и не требовал ответа.

Отец отсутствовал в командировке, никого четвертого в нашей квартире не водилось.

Дожив – не по-онегински, а с целью и трудами – «до двадцати шести годов», я оставался холостым.

Женщин я менял по мере необходимости, не останавливался ни на одной, поскольку не определился, нужна ли мне семья.

– Я, мама, я, – ответил я и повторил: – Извини, не видел и не слышал.

– Подожди, не уходи! – крикнула она прежде, чем я закрыл дверь. – Потри мне спину, пожалуйста.

Обычно это делал отец.

Сегодня его не было.

В просьбе я не увидел ничего особенного, хотя раньше никогда этого не делал.

Я шагнул в ванную, взял розовую мочалку из материной руки, принялся тереть спину.

– Хорошо, – сказала она. – Между лопаток посильнее!

Душ шумел, перфоратор долбил, пена стекала по позвоночнику, пробегала ложбинку между ягодиц, падала на дно

ванны, уносились в сливной водоворот.

– И пониже!

Талия у матери оказалась крепкой; вероятно, таким когда-то было все ее тело.

– Еще пониже!

Я замедлился.

– Попу мне потри, – пояснила мать.

Простая сыновняя помощь этого не предусматривала, но я продолжил.

– А теперь бока.

Изгибы тела неожиданно увели вперед.

– Хватит, – сказала мать. – Спасибо. Дальше я сама.

1

– Было здорово, Владимир! Как всегда!

Девятнадцатилетняя Ильсияр была татаркой, но не белокожей, а смуглой, какие встречаются редко

Она являлась одной из десятка предыдущих и сотни последующих.

Вероятно, таким же представлялся ей я, поскольку не был мачоидальным казановой.

Но мы еще не надоели друг другу и активно встречались.

– Послушай, – сказал я. – Можно, я останусь на ночь?

– Можно, – ответила Ильсияр и села на кровати. – Родители уехали деревню, приедут завтра вечером. Только...

– Что «только»? У тебя были другие планы?

– Сигареты кончились. Может, прогуляемся?

– Да нет...

Я вздохнул.

– ...Что-то я устал. Лучше полежу, потом приму душ.

– Тогда я сама сбегая, окей?

– Окей, – ответил я.

Пройдя к стулу, куда были покиданы вещи, Ильсияр принялась одеваться.

Я смотрел, как она натягивает узкие кружевные трусики, просовывает ноги в джинсы, расправляет на себе футболку, под которую не надела бюстгальтер.

– Я быстро!

– Хорошо, – сказал я.

Скрипнула дверь, щелкнул замок, на площадке угас цокот каблуков.

Я представил, как в такт шагам подпрыгивают небольшие круглые грудки.

Молодость давала преимущества; ими стоило пользоваться, пока она не прошла.

Ванная комната была тесной, сама ванна покачивалась на неотрегулированных ножках.

Я оставил дверь открытой, взял с полочки гель, налил пригоршню, пустил воду.

Перед глазами встала мать – ее неизящное тело, складки и выпуклости, и скользкая тяжесть груди, которую я успел

ощутить в самый последний момент.

Это было бредом, неожиданным и ненужным наваждением.

В моем возрасте не пристало обнаружить у себя древнегреческий комплекс, выворачивающий наизнанку нормальное течение жизни.

За спиной в недалекой передней проскрежетал замок.

Дворовый магазин располагался в соседнем подъезде, вернулась Ильсияр с сигаретами.

2

Мать сидела на мне верхом.

Ее бедра с некрасивыми толстыми коленями были тяжелее самой тяжелой тяжести.

Живот – круглый, как глобус, с лунным кратером пупка – нависал над кустистым мысом; мать не заботилась об интимной зоне.

Двумя руками я держал массивную грудь.

Сосок имел вкус молока.

Когда-то он был известен, но то уже забылось.

3

– ...Так да, или мне кажется?

Я вздрогнул.

Голос Ильсисяр выдернул из сна, который я видел, не закрывая глаз.

Ее бедра были тонкими, точка схождения, по-мусульмански выбритая, напоминала полураскрытую устрицу,.

– Что... кажется? – переспросил я, не уловив тему разговора.

– Ты накачал член силиконом?

– С чего ты взяла?

– Он у тебя толстый, никогда таких не знала.

– Я не какая-нибудь Пугачева, чтобы накачивать себя всякой дрянью, – возразил я. – А член у меня такой с самого рождения.

– Понятно.

– Лучше иди поближе!

Эти соски – темные, почти черные – во время секса становились грубыми, как сигарные окурки, и не имели никакого вкуса.

– Подожди!

Она выпрямилась, обдала недавно выкуренным табаком.

– Не торопись. Я кончу вперед. Держи меня попу.

– Не тороплюсь и держу, – уверил я.

– Нет, стой.

– Стою.

– Презерватив не соскочил?

– Вроде нет, – ответил я. – Если сомневаешься – слезь и проверь.

Ильсияр знала, что ненужной беременности со мной можно не бояться, но не пускала в себя просто так.

Она берегла микрофлору для грядущего приличного замужества.

4

Дышала ночь.

Но не «*восторгом сладострастья*», а умиротворенным, почти детским дыханием девушки, которая спала, кинув длинные руки-ноги в бездну за край кровати.

Уже настало воскресенье.

Вечером возвращались родители – деревенские коряги, которых я не желал знать.

Но даже вернись они в понедельник, я не мог остаться тут еще на одну ночь.

Окончив жалкую «*Академию социальных технологий*», где диплом покупали – причем за небольшие деньги – я сумел устроиться в хорошую фирму.

Там существовал дресс-код.

Сюда я пришел в джинсах; на работу требовался костюм с галстуком.

После обеда прибывал московский поезд.

Отца, приехавшего с ежемесячного совещания, ждал французский луковый суп.

Намывать мать в ванне предстояло ему.

Но, управляя филиалом московской транспортной компании, отец постоянно разъезжал по региону в поисках новых клиентов.

Мне оставалось дожидаться его очередной командировки. Наваждение продолжалось.

5 родинок у левого плеча

– Блин, сигареты забыла!

Алена взглянула пушисто.

В темно-голубых глазах плескалась грусть.

– Половина кайфа – коту под хвост.

С высокой сосны упал пласт снега.

Должно быть, его свалила какая-то птица.

Но казалось, что сама природа подтвердила слова.

– Сейчас принесу, – сказал я. – Схожу домой. Всего и делов.

– Сходишь? обратно домой?

– Ну да.

Я оглянулся.

Мы не успели углубиться в лес, только-только встали на лыжню.

До поселка отделяло метров двести: надо было лишь перебраться через сугробы и перейти местную дорогу.

Наш дом стоял на границе, сходить туда и сюда занимало от силы десять минут.

– Подожди здесь, я быстро.

Я воткнул палки в снег, нагнулся, отстегнул лыжи.

– Как я люблю тебя, Никитка, – сказала Алена. – Как я тебя люблю! Ты такой нежный и заботливый!

– И я тебе люблю, Аленка, – ответил я.

– Как жаль, что мы с тобой брат и сестра, хоть и двоюродные. Иначе...

– Но поцеловаться нам не запретит никто, – я покачал головой.

– Это точно.

Сестра подалась ко мне.

Я обхватил ее плечи, тонкие даже под курткой.

Наши губы соприкоснулись.

Милые мелочи радовали.

Особенно я любил целоваться с Аленой после того, как она выкурит тонкую душистую сигаретку.

Тогда от ее губ веяло чем-то нездешним.

В голову приходили всякие Кабо-Сен-Лукас, Сюдад-дель-Кармен и Пуэрто-Кабесас, где когда-нибудь предстояло побывать.

В последнее верилось.

Ведь не мог такой человек, как я, провести всю жизнь между Бардой и Куедой.

I

1

Наши матери были не просто сестрами, а близняшками.

Они походили одна на другую, как два шарика из одного подшипника.

Единственное различие проявлялось в мелочи.

У матери на спине чуть ниже левого плеча имелись пять одинаковых родинок, расположенных почти как на грани игрального кубика.

У тети таких не было.

Дед с бабкой не загонялись, дочерей называли элементарно, но созвучно.

Мою мать звали Ириной, тетю – Мариной.

Никто из наших родителей не мог быть отнесен к разряду «*новых русских*», поскольку они не владели собственным бизнесом, а работали на чужих предприятиях.

Но мы жили в элитном поселке.

Среди прочих особняков наш дом был не самым богатым, но не самым маленьким.

Тут требуется историческая справка.

Она может получиться запутанной, но иначе не объяснить.

Наш коттедж возник во времена, когда здесь была умирающая деревня – в живописном месте среди холмов и перелесков, недалеко от региональной трассы, в семи километрах от границы города.

Впрочем, тогда «*коттедж*» назывался просто домом.

Его историю начал покойный родитель Алениного отца.

Вслед за двоюродной сестрой я называю его «*дедом*», хотя он таковым не является, поскольку дядя не родной.

Тот дед был главным нефтяным начальником области –

по сути, новым русским за государственный счет.

Обладая неограниченными возможностями и пользуясь государственным беспределом, он купил огромный участок с видом на лес, начал строительство.

Это случилось давно: мой будущий дядя Миша еще учился в школе.

Фундамент, который возвел дед, был циклопическим: оставалось выкопать бункер и посадить туда Гитлера.

Совершенно неожиданно деда сняли с работы и оставили без дел; вскорости он умер от инфаркта.

Дядя тоже стал нефтяником, но без поддержки отца не смог подняться в реально денежные сферы.

Однако участок остался за семьей.

Потом дядя женился на моей нынешней тете, а моя грядущая мама вышла замуж за отца.

Тот происходил из простой семьи, но после математического факультета – где выучился на компьютерщика – удачно сориентировался, устроился в один из крупнейших негосударственных банков.

Отец уловил момент, когда сотрудникам выдавали ссуды под смехотворные проценты.

В итоге сложился пазл.

У дяди была земля с фундаментом, у отца – деньги, которые следовало потратить на недвижимость.

Я, конечно, знаю далеко не все, поскольку в те смутные времена оставался бессознательным.

Но результатом оказался дом, который быстро и дешево отстроили какие-то молдаване.

Архитектор был замечательным.

Внешне дом напоминал обычный «*таунхауз*» с двумя входами.

На первых этажах расположились кухни и ванно-банные отделения, вторые заняли родители, на третьих обитали мы с сестрой.

При этом площадки на параллельных лестницах имели двери.

Из половины в половину можно было перейти на любом этаже.

Мой отец шел и шел в гору.

Он возглавлял региональное отделение банка, имел большую зарплату и безграничные информационные возможности для игры на финансовом рынке.

Дядя жил скромнее; оставаясь нефтяником, он ездил по вахтам: отсутствовал по три недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.